

К 65-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

А. В. ПАНЮКОВ
(Сыктывкар)

ДЕНЬ ПОБЕДЫ И ОБРАЗ СЯТОГО СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются коми фольклорные сюжеты о Стефане Пермском, обыгрывающие совпадение двух значимых дат — дня памяти святого Стефана Пермского и Дня Победы. Метафора «великий» (великий святой, великая война, великая победа) становится ключом к появлению новых смысловых ассоциаций, связанных с представлениями об этом святом. В фольклорной традиции Степан Пермский начинает выступать в качестве святого, который предсказывает тяжелую войну и дату победы в войне, а 9 мая начинает отмечаться как Степанов день победы.

Ключевые слова: фольклорная традиция, коми фольклор, святой Стефан Пермский, День Победы.

Утверждение, что разнообразие и жизнеспособность культурных традиций состоит в умении принимать и усваивать инновации, сегодня представляется фактом общепризнанным. Разногласия начинаются там, где возникают вопросы, связанные с механизмами вхождения «чужеродного» и «случайного» с точки зрения традиции в систему устоявшихся канонных, с тем, как происходят процессы усвоения новых артефактов и, главное, как культуре удастся при этом сохранять свою органичность. Для коми традиционной культуры одна из таких значимых «случайностей» связана с совпадением Степанова дня (9 мая н. с. — дата успения св. Стефана Великопермского (около 1340—1396 гг.) с Днем Победы.

Образу Стефана (Степана) Пермского — одного из наиболее почитаемых в коми крае святых — и, в частности, определению места этого образа в традиционной культуре коми посвящен целый ряд специальных работ [Власов 1997; Хвостикова 1996, 302—309; Уляшев 1997; Лимеров 2008]. Уникальность образа Стефана Пермского заключается в симбиозе устных и письменных традиций, во взаимосвязи повествовательной традиции с особенностями национального религиозного сознания коми, что обусловило бытование широкого спектра повествовательных версий (исторических, квазиисторических и откровенно мифологических) в общем хронотопе. В целом, вне зависимости от исследовательских акцентов, рассматриваемая повествовательная традиция предстает как цепь логически и исторически взаимосвязанных факторов. В этом контексте сюжеты о Степановом дне победы, о которых пойдет речь ниже, проявляют парадоксальную предопределенность и предзаданность, несмотря на то, что рассматриваемое совпадение и исторически и тематически удалено от событий Стефановского цикла.

Сделав необходимые оговорки, проанализируем три известных нам сюжета, связанных с Днем Победы.

Сюжет о вещем сне. Женщине перед окончанием войны снится сон: в церкви (к тому времени уже не работавшей) сидят два старца, которые называют себя Степаном Великим и Игнатием Святым Богоносцем. На вопрос «А чего вы здесь делаете?» они отвечают, что «Божья мать из дома уже вышла, и мы ждем ее прихода. Дверь церкви приоткрыта, вот-вот зайдет». Женщина понимает, что речь идет о скорой победе, просыпается и объявляет всем об этом (Приложение, № 1).

Прежде всего отметим, что сюжет о вешем сне является «текстом о тексте» — своего рода продолжением пророческого «видения» местной пророчицы *Наста пӧч* — бабушки Насти. Эта женщина в самом начале войны предсказала, что война будет долгой и тяжелой, и закончится, когда «*Богородица приоткроет дверь церкви*». Это пророчество определенным образом сбылось. Одним из общесельских праздников в Мыседино являлся Праздник иконы Тихвинской Божьей Матери (9 июля н. с.). Установление этого праздника местные жители объясняют легендой о явлении Богородицы, на месте которого был поставлен *Крест явленной иконы Божьей Матери*, затем построена и часовня. Позднее, когда часовню разобрали, на ее месте жители установили памятный крест, возле которого стали совершать молебны. Этот крест периодически восстанавливался, поскольку местные власти время от времени убрали его [Чувьуров, Шарапов 2006, 23–26]. С 1930-х гг. всякая религиозная жизнь была под строгим запретом, только в конце войны, после самой победы, возникло некоторое ослабление; вероятно, тогда в очередной раз установили Крест Богородицы, и День Победы был отмечен праздничным молебном. Этот факт, вероятно, и осмысливается как метафорическое воплощение события, «когда Богородица спустится на землю и приоткроет дверь церкви».

Сложно однозначно определить медиативную роль образа Игнатия Святого Богоносца в общем контексте. Возможно, для исполнительницы образы, связанные с титулами «богоносец» и «великий» представляются в едином иерархическом ряду с Божьей Матерью. В традиционном календаре Игнатиев день не имеет особой нагрузки, и информанты высказали предположение, что, возможно, оба святых связаны с одной датой — 9 мая (день памяти свм. Игнатия Богоносца — 11 февраля).

Возвращаясь к анализируемому тексту, важно отметить, что в данной локальной традиции знают агиографический сюжет «О Стефане Великом из Устюга», однако житийные события как бы отделены от прошлого коми

народа: «*Степан Великий Пермский. Пермским называют, потому что много бывал в Перми. На Печоре установил Божью веру. Какие-то идолопоклонники молились на дерево, и он дерево это порубил. В книге читали*» (Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. А1270-9). Вероятно, определение «идолопоклонники» ассоциируется здесь с иноверцами-хантами.

Сюжет о явлении святого. В этом же районе известен еще один вариант сюжета о Степановом дне победы, в котором святой является местным жителям и объявляет дату окончания войны; вариант: женщине перед окончанием войны является старик, который говорит, что война закончится в день его именин на вьльгортском мосту; впоследствии выясняется, что это был Степан Пермский [Уляшев 2003]. Отметим, что Степанов день — храмовый (часовенный) праздник в этой деревне; вьльгортский мост — место традиционных народных гуляний, включенных в комплекс сельского праздника, и пророческая метафора «победа на вьльгортском мосту» осмысливается и как «в самый разгар праздника», и как «наступление настоящего всеобщего праздника».

Сюжет о пророчестве. Особо интересным в плане реализации «знаний традиции» представляется еще один сюжет о пророчестве, в котором вместо образа святого появляется своего рода образ-«заместитель». В инвалидном доме жила приезжая пожилая русская женщина, которая всегда носила с собой карандаш и толстую книгу «наподобие библии» и все время что-то туда записывала. Однажды (в день начала войны) местные жители видят ее молящейся на коленях перед закрытой дверью церкви. На вопрос «*Что случилось?*» она отвечает: «*Началась война, и я от старости умру, войну уже не переживу. Но помните: очень долгая и тяжелая война будет. И только сможет победить Степан Великий!*» (Приложение, № 2).

Обратим внимание на некоторые сюжетообразующие моменты, которые также можно определить как «случайные совпадения».

Прежде всего, важно, что в центре описываемого события оказывается образ, который создается в том же повествовательном ключе и наделен чертами, тождественными образу Стефана: старая русская женщина (русскоязычная, вероятно, билингв, поскольку в сюжете нет мотива недопонимания); верующая, православная; на фоне всеобщего атеизма, разрушенной церкви этот образ предстает как истинный носитель христианского знания, и противопоставление «верующая/атеисты» можно рассматривать как вариант оппозиции «христианство/язычество». К типичным агиографическим мотивам также можно отнести и совершенные предсказания («предзнание» начала войны, ее характера и победы, предсказание собственной смерти), и творение «священного текста» — «неполной библии», да и мотив бесследного исчезновения книги. Отметим, что в народной традиции Стефану Пермскому помимо создания азбуки приписывается и писание священных текстов. Все эти черты позволяют сказать, что центральный образ этого сюжета метафоричен по отношению к образу святителя.

В русле общей фольклорной картины рассмотренные сюжеты о Дне Победы являются органичным продолжением другой случайности, связанной с концептом «великий». Эта взаимосвязь также может быть выражена в виде метафорической формулы «Степан Великий — победитель в Великой войне». Собственно эта формула достаточно «прозрачна» и в рассмотренных текстах.

Титул «Великопермский» в коми фольклорной традиции часто распадается на «Пермский» и «Великий», в результате чего образ *Степана Велико* легко «вписывается» в традиционную мифопоэтическую картину мира. Можно отметить целый ряд «совпадений»: Степан Великий/Илья Великий; учитывая то, что, образу Степана присущи функции «пророка», эта взаимосвязь может быть удвоена: Илья Пророк/Степан-пророк. Через образ Илья Пророка возможна ассоциативная связь с другими «грозными», «воинст-

венными» святыми, такими как *Егорий Храбрый* (Георгий Победоносец/Степан Победоносец). Можно указать на примечательный сюжет о Георгии Победоносном, включенный в цикл преданий о Стефане Пермском: «*Степан Великопермский пришел и сказал: “Давайте здесь построим церковь”. Вот Князь, который в Княжпогосте жил, девушек убивал. Рассказывала я уже. Князю привели одну девушку на съедение, последняя уже осталась, каждый день по одной Князь съедал, живых. А пришел туда Георгий Победоносный, на белом коне туда приехал, к Князю. А мать и отец девушки сильно плачут, как же, последняя дочь и надо отдавать на съедение Князю. Все уже своих отдали, только у самых богатых одна оставалась. Вот и приехал Георгий Победоносный на белом коне и говорит Князю: “Тебе больше не удастся никого съесть!” Князь перекувыркнулся, извернулся и превратился в змея. И под ноги лошади лег Георгию. Победоносный Георгий — значит всех побеждает. И обернулся змеем вокруг всех четырех ног лошади, это Князь, превращенный в змея. А Георгий штыком его проткнул, там он и умер, значит. Вокруг ног лошади, вокруг всех четырех ног лошади обернулся змеем. И девушку он так спас. Царицей Александрой она стала после, замуж вышла и стала царицей Александрой» [Лимеров 2005, № 133—135].*

Приведенный текст записан в 1981 г. и является частью цикла преданий о Стефане Пермском, однако в таком качестве не рассматривался в силу своей «нетрадиционности». Сюжет взят из апокрифического Жития св. Георгия и реализован как вариант предания о борьбе Стефана Пермского с языческим князем (Памом). Не вдаваясь в подробный анализ поэтики, отметим очевидный нарративный «переход», текстуально связанный с общим концептом «победителя»: «*Победоносный Георгий всех побеждает*», а в следующем сюжете этого цикла: «*А здесь Степан Великопермский уже всех победил*» [Лимеров 2005, № 135].

Сама по себе тема «Степан Великий — победитель в войне» гораздо ши-

ре сюжетов о Дне Победы, поскольку имплицитно может проецироваться и на другие «победы» святого. Здесь важно, что для фольклорно-языкового сознания сама языковая связь образов *Великой* Отечественной войны и *Великого* святого могла стать не менее значимой, чем календарная приуроченность. И дальнейшее развитие образа «великого» соотносимо с освоением языковой семантики заимствованного слова-концепта «великий», когда в преданиях о Стефане Пермском появляются мотивы «великого ума», необычной, «великой» физической силы и роста и т. п. Очевидно, что подобные сдвиги возникают в результате адаптации фольклорных «знаний» к знаниям реальной действительности. Традиционные мотивы варьируют, трансформируются до определенного порогового значения, за которым происходит их «воплощение» в новую форму, т. е. метафоризация, которая отвечает представлениям исполнителя о мире. Примечательно, что рассмотренные сюжеты возникают не в «эпицентре» повествовательной традиции, а на ее периферии (все известные нам тексты зафиксированы на верхней Вычегде), где степень вариативной «свободы» гораздо выше и где она достигает необходимых «пороговых» значений.

Таким образом, перед нами предстает одна и та же сквозная метафора «великий», разыгрываемая на разных уровнях фольклорного метатекста. Именно в эту «нишу» в результате заложенных «предпосылок» инкорпорированы новые сюжеты и мотивы. Возникающий в результате такой трансформации образ Степана Великого метафоричен по отношению к историческому прототипу, точно так же как метафоричны в культурной памяти все великие события.

Литература

Власов 1997 — Власов А. Н. Миссия русской православной церкви в Пермском крае (по материалам древнерусской письменности) // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы. Сыктывкар, 1997. С. 4—58.

Лимеров 2008 — Лимеров П. Ф. Св. Стефан Пермский и начало коми христианской

религиозности в устной и письменной традициях. М., 2008.

Лимеров 2005 — Му пуксьом — Сотворение мира / автор-сост. П. Ф. Лимеров. Сыктывкар, 2005.

Уляшев 1997 — Уляшев О. И. Образ Стефана Пермского в традиционных представлениях коми // Научные доклады Коми НЦ УрО РАН. Вып. 385. Сыктывкар, 1997.

Уляшев 2003 — Полевые материалы Уляшева О. И., 2003 г. Инф. Игнатова Л. К., 1964 г. р.

Чувьюров, Шарапов 2006 — Чувьюров А. А., Шарапов В. Э. Местночтимые святыни у современных верхне-вычегодских коми // Живая старина. 2006. № 2. С. 23—26.

Хвостикова 1996 — Хвостикова О. А. Устные предания о Стефане Пермском (Тематический обзор) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. С. 302—309.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Война дубалом водзин вѳтаси. Вичкоас быттьѳ, татче асланым вичкоас петі да, а старинной ыджыд пачыс на, да бокас сэн вѳлі паськыд скамья, да скамья вылас кык мужик пукалци... «Ті нэ эське мися кутишом мужикьяс татшемьяясіс?», да цитыс шусис: «Ме пѳ Игнатей святѳй богоносной», а мѳдис шусис: «Ме пѳ Степан Великѳй». — «Мыйно мися ті тан керанныд да?» — «Божьей матерь пѳ гортсис петіс да ми пѳ сілісь локтѳмсѳ виччисям. А вичко ѳдзессѳ пѳ коластас, вот-вот пѳ сія пырас». <...> Талі вѳттѳ висьтала да: «Тэнад вѳт вѳсна пѳ!...» — «Мися войнаид, челядь, миритчас, ме вѳтаси да!»... «Неужели пѳ?» — «Неужелитѳг мися сэтшем вѳт вѳталі да!» Наста пѳчад тае кывльвылы: Божья матерь кѳ пѳ гортсис петас да вичко ѳдзѳссѳ коластас, война пѳ миритчас». Сіе вѳлі шулылас а. ...Сіе вѳтасылі вот, война миритчемтэ. Меся менѳ вѳтыд иніс. <...> Степан Великѳй лунсѳ мян век празднуйтэні (Перед окончанием войны мне приснилось. Как будто в церковь нашу вышла, и печь большая старинная еще стоит, а рядом с ней длинная скамья, и на скамье двое мужчин сидят... «Вы кто сами такие будете?», и один отозвался: «Я,

говорит, Игнатий святой богоносный», а второй сказал: «Я Степан Великий». — «А чего вы здесь делаете?» — «Божья мать из дома уже вышла, и мы ждем ее прихода. Дверь церкви приоткроет, вот-вот зайдет». <...> Ей (дочери) сон пересказываю да: «От твоего сна (победа не наступит)!..» — «Говорю вам, война, дети, закончится, мне приснилось так!» — «Неужели?» — «Без всяких “неужели”, если я такой сон видела!» А у бабушки Насти слышала (пророчила): «Если Божья мать из дом выйдет и дверь церкви приоткроет, война закончится». Так она пророчила. ...Вот это мне снилось, окончание войны. И сон мой сбылся. <...> День Степана Великого у нас до сих пор празднуют).

Записан от А. М. Мартюшевой, 1897 г. р., с. Мыедино Усть-Куломского р-на Республики Коми, аудиозапись О. И. Уляшева, П. Ф. Лимерова, 2004 г. Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. А1270-9.

№ 2

Варук тьотка висьтавліс. Тані индом вөвлі. Ветымнөд воясөдз кымын. И кытысь, роч бабушкаыс волөма индомас, ог төддй. Войнаыд заводитчөма талунья луннас, вичкөыд оз нин уджав, и мунөма вичко дорад пидзесанясема и юрбитө вөлөм. И небдинсясыд матысчемаь и шувөмась: «Мый нө пө да?» — «Войнаыд заводитчис и ме пө пөрысьла кула нин, войнасө пө оз нин выдержит. Но помнитө пө: зэв пө кузь и зэв сьөкыд война пө ловө. Толькө пө вермас победитни Степан Великөй!» Бабушкаыд шувөма. И война заводитчан луннас шувөма.

Мамлөн чойыс, прачкан уджавліс, да ме пө эг же интересуйтчив, кытысь вөлі. Роч женцина вөлі. И пыр пө вөлі новлөдлі сьөрсис карандаш да зэв кыз нига, гижалө. Сэсся пө сія грамотнөйджык йөзыд шувөны: «Библия пө гижан?» — «Абу пө полнөй библия, но библия сяма пө». Сія ставсө, мый аслыс колө — ставсө пө гижалө.

Война помасьтөдзис и кулі, сія бабушкад. А кытчө пө нигавыс лои, тоже пө оз же төд, эг же пө интересуйтчи.

Вот сія гижалө, колөкө кымын воя нин гижалө. Мыйкө өд гижалөма. Война заводитчан лунас сія төддөма нин, мый Степан Великөй.

Степан лунтө девятое мая празднуйтөны, день победыд — девятое мая же. «Толькө пө вот Степан Великөй вермас победитны. (Тетка Варя рассказывала. Здесь Индом был. Где-то до пятидесятих годов. И откуда русская бабушка попала в Индом, не знаем. В день начала войны, церковь уже не работает, пошла к церкви, на колени встала и молится. И небдинские жители подошли и спросили: «Что случилось?» — «Началась война, и я от старости умру, войну уже не переживу. Но помните: очень долгая и тяжелая война будет. И только сможет победить Степан Великий!» Бабушка сказала. И в день начала войны сказала... Русская женщина была. И всегда, говорит, с собой носила карандаш и толстую книгу, записывала. Потом те, кто пограмотнее был, спросили: «Библию пишешь?» — «Не полная библия, но наподобие библии». Она все, что ей надо, все туда записывала. Вот она, может, сколько лет уже все записывает. Что-то ведь записывала. В день начала войны уже знала, что Степан Великий. Степанов день девятого мая празднуют, День Победы — тоже девятое мая. «Только вот Степан Великий сможет победить»).

Записан от А. Н. Панюкова, 1940 г. р., в с. Небдино Корткеросского р-на Республики Коми. Видеозапись А. В. Панюкова, Г. С. Савельевой, 1997 г. Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. В1110-22.

Summary. *The article deals with Komi folklore stories about Stephen of Perm, associated with the coincidence of two important dates — Day of remembrance of St. Stefan of Perm and Victory Day. The metaphor «great» (the great saint, a great war, a great victory) becomes the key to the emergence of new semantic associations. In folk stories Stephen of Perm begins to act as a saint that predicts a difficult war and victory in the war, on 9 may marked as the Stephan's day of victory.*

Key words: *folk tradition, Komi folklore, Saint Stephen of Perm, Victory Day.*